

МНОГОМЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК – НОВЫЕ ПОДХОДЫ АНАЛИЗА¹

рецензия на книгу Лазарев Ф.В., Брюса А.Л. «Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию»

В начале XXI столетия с особой остротой пришло понимание того, что человечество пережило зловещую и трагически неповторимую по своим неимоверным жертвам эпоху мировых войн, формационных катаклизмов, технобесия и пандемии зла. И если сама возможность некоего послесловия в оценке эсхатологии XX века свидетельствует о каком-то ещё неведомом законе спасения человечества, то его осознание раскрывает радикальные сдвиги в мировоззренческой рефлексии социокультурных результатов минувшего столетия.

Эти сдвиги кумулируются вокруг антропологического поворота в философии, интегрировавшего (в качестве своих аспектов) онтологические и лингвистические интенции новейшей философской проблематики. Ведь уже в первой половине XX века Н.Гартман провозглашает: «онтология — это антропология», а М.Хайдеггер объявляет язык «домом бытия» человека. Широкою панораму предметных и методологических ракурсов новой антропологической проблематики раскрывает монография Ф.В. Лазарева и А.Л. Брюса «Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. - Симферополь: СОНАТ, 2001. - 264 с.

Авторы рецензируемой работы взяли на себя нелёгкий труд проанализировать «ситуацию человека» в контексте современной культурной «восприимчивости» как к «модернистским», так и к «постмодернистским» ценностям, что по сути демонстрирует исследовательски смелую попытку посмотреть в глаза безумно больной «глобальными проблемами» цивилизации, потерявшей культивируемое ещё с античных времён чувство меры.

В основе этого «постмодернистского» мирочувствования — идея отрицания, завершения традиционного, «конца» искусства, философии, истории, «классической» парадигмы истолкования, в конечном счете - идея «смерти человека». Неслучайно отсюда понятия «дисгармония», «одиночество», «отчуждение», «атомарность», «конец», «выживание человечества», «проблемы глобального порядка» становятся символами ушедшего века, родившего «эсхатические» мстивы в культурном самосознании человечества, связанные прежде всего с шоковыми футурологическими прогнозами «конца света» вследствие просчитанной и социологически, и политически, и экономически общепланетарной социо-экологической катастрофы. Авторы монографии считают,

¹ Впервые опубликовано в журнале „Філософська думка”. – 2001. - №6. - С. 148-153.

что современная “драматургия” присутствия человека в мире особо омрачается внесением в традиционную тему осмысления основ человеческой судьбы, связанную со взаимоотношением жизни и смерти, аспекта “мужества быть” (П.Тиллих) в ситуации всё более нарастающего отчаяния. Экзистенциальный смысл этой “пограничной ситуации” связан в новых условиях рубежа XX-XXI вв. с принципиально “новым” ощущением - “страхом за человечество в целом” [курсив наш, с.5].

Ощущение “кризиса эпохи” в монографии связывается прежде всего с духовным неблагополучием, отсутствием “механизма” перевода ценностей в плоскость общественно-практического бытия. Выгоды, интересы, клановые “пристрастия”, затмевающие “зловещесть” глобальных проблем, добавляют пессимизма в индивидуальное мироощущение. Этим вопросам посвящен в рецензируемой монографии специальный раздел, выполненный А.Л.Брюсом. Но и во всей книге отстаивается общая для её авторов мысль, что человек нуждается не только в осознании масштабов антропологической трагедии, но и в некоей “психотерапии”, заключающейся в своеобразном восхождении от “тоски по подлинности” своего бытия к усвоению и жизни по принципам “этики ответственности”.

Здесь, однако, нельзя обойтись одними нравственными максимами. Необходим новый подход, новая методология. И таким новым поворотом аналитического видения в антропологии является, как убедительно показано в монографии, методология интервального подхода к многомерной природе человека и его деятельности. Эта методология уже несколько десятков лет разрабатывается Ф.В.Лазаревым в формате “интервальной эпистемологии” и теперь оформляется в виде креативных установок современной антропологии.

Методологическая культура, основанная на принципах “интервальной эпистемологии” Ф.В.Лазарева, имеет своей задачей вскрыть те условия познания, которые входят в его результат, показать общность природы познавательных предпосылок в разных дисциплинах (как естественнонаучного, так и гуманитарного направления) и на этой основе доказать универсальность понятий “познавательная позиция”, позволяющей выявить стыковку субъективных и объективных условий мыслимости объекта познания, и “интервал абстракции”.

Понятие “интервальности” позволяет, по мысли Лазарева, отойти от “классического” познавательного принципа, связанного со стремлением к утверждению а б с о л ю т н о й точки зрения, поглощающей все другие варианты “видения” реальности. Первое приближение к пониманию этой концепции позволяет нам в определенном смысле отождествить концептуально значимое в этом подходе понятие интервальности с принципом многомерности мышления как попыткой всестороннего учета объективных условий и познавательных предпосылок исследования. Это релятивизация любых тотализирующих дискурсов в познании не исключает, однако, общие инварианты в различных ракурсах видения мира, но провозглашает границы осмысленности подобных ракурсов. В антропологии такие ракурсы и задаются интервалами человеческого бытия:

витальным, социальным, культурным, экзистенциальным и другими, что позволяет утверждать своего рода “культурные” и “социальные априори”.

Тем самым интервал выступает как “клеточка” многомерности человека, а интервальный подход — как отображение многокурсности самого объекта, различия и единства его ракурсов. Причем эти ракурсы обнаруживаются не произвольно, а относительно различных систем референции в научном познании. Это позволяет говорить о совпадении в антропологическом или социокультурном контексте принципа интервальности с принципом многомерности и “контекстуальности”.

Ведь когда Ф.В.Лазарев развивал в 70-х гг. интервальный подход в логическом плане понятие “интервал” покрывало предмет исследования (даже при всех его пространственных ассоциациях). Но в более широком, социокультурном аспекте, который раскрывает Ф.В.Лазарев в современных условиях, можно, как нам кажется, говорить о концепции многомерности, основанной на принципе интервальности. Но здесь речь идёт о терминологических уточнениях, а не о сути дела. Таким образом можно констатировать плодотворность интервального подхода.

“Метод интервализации” истин Ф.В. Лазарева в существенном смысле противоположен характерному для постмодернизма принципу деконструкции. Если целеустановка деконструктивного анализа - децентрализация категорий культуры, то интервальность предполагает “предельную гносеологическую фокусировку смыслов” [с.24]. Хотя в этих двух подходах имеется и нечто такое, что роднит деконструктивизм и интервальность.

Если говорить языком самих авторов, то эта “общность” связана прежде всего с желанием научить человека искусству “заглядывать за покровы вещей, за наличные маски культуры, за нарративные мифологемы, пробиваясь к обнаженной подлинности жизни, к её первоначальному хаосу и скрытой гармонии” [с.24]. Иначе говоря, интервальный тип философствования соединяет в себе идею относительности, столь характерную для методологических течений XX века, с идеей “абсолютного” и тем самым стремится преодолеть односторонность релятивистских и плюралистических концепций. Новизна “интервального” методологического подхода прежде всего, пожалуй, и заключается в этой новой интерпретации соотношения абсолютного и относительного в онтологическом и эпистемологическом измерении.

Описанный таким образом “интервальный подход”, как можно сделать вывод, замысливался Лазаревым как альтернативная постмодернизму стратегия, но вместе с тем (что неоднократно подчеркивает и сам автор) “интервальность” выступает и элементом культуры “постмодерна” как специфического состояния современной цивилизации. Философ принимает “постмодернистские принципы” релятивизма, плюрализма, ризомности (не отказываясь при этом от установок объективности, рациональности, познаваемости в исследовании).

Вместе с тем Ф.В.Лазарев отбрасывает постмодернистские крайности борьбы против иерархичности человеческого присутствия в бытии и человеческих ценностей среди других модусов бытия. “Нам казалось, — пишет он, — что мы расквитались, когда стали отказываться от вечных ценностей, от Истины и

Абсолюта... Но коварство истории в том, что любой отказ от наличного смыслового горизонта неминуемо ведёт к сокращению ресурсов субъективной полноты жизни, к обесмысливанию человеческой активности в потоке исторического времени” [с.100].

Ф.В.Лазарев видит своей задачей создание концептуальной системы, которая позволяла бы раскрыть смыслы такого фундаментального свойства человека как “способность присутствовать в различных жизненных контекстах” [с.6]. Возможность такой методологии определяется прежде всего тем, что, как показывает автор, “познающий субъект принципиально и н т е р в а л е н, он всегда задан контекстуально, в том или ином локальном хронотопе” [выделено нами. - с.30]. Интервальная методология отвечает, таким образом, многомерности проявления человека.

На наш взгляд, приход “интервальной эпистемологии” вполне закономерен, ибо наступило осознание невозможности создания единой картины реальности, на что ориентирована была “классическая” парадигма познания. Гетерогенность, многомерность реальности, с одной стороны, а с другой, - пребывание “наблюдателя” в принципиально несоизмеримых между собой возможных мирах заставляет познающего (и в этом трудно не согласиться с авторами книги) “учиться искусству инакомыслия - искусству мыслить иное” [с.31]. Именно отсюда вытекает значимая для интервальной методологии установка на многомерное мышление, которое есть “не генерализация, не обобщение, а метод ограничения, поиск различий, инаковостей” [там же].

Здесь особенно отчетливо проступает новаторская суть интервального подхода, его несводимость к традиционным методологическим процедурам. Так, интервальный анализ отличается от привычной установки конкретности истины, ибо результат этого анализа входит в итоговую картину познавательного процесса, а не остается методологической предпосылкой. Не редуцируется он и к методу синтеза, ибо предполагает установление конфигурации понятий, соответствующих “ипостасям целого”. Не исчерпывается интервальный подход и позициями плюрализма, ибо отвечает многомерности самого объекта. Применительно к проблемам антропологии это происходит в результате погруженности индивида в различные интервалы бытия личности.

Многаспектность человеческого бытия объясняется тем фактом, что “люди выстраивают своё бытие не в одномерном, а в многовариантном и вероятностно реализуемом мире” [с.37], причем существенно значимой чертой бытия человека является его незакреплённость ни за одним из конкретных интервалов, контекстов. Отсюда и рождается “человеческая ситуация” бытия - всегда имеется выбор, определяющий индивидуально-личностные приоритеты.

Эта “незакреплённость” человека в мире характеризует не только его современное положение, но и детерминирует исходный тезис “интервальной антропологии”, с точки зрения которой каждая из классических антропологических концепций имеет право на истину в строго определенном интервале абстракции [См.: с.40].

На основании анализа “человекомерных” идей, явленных в антропологических дискурсах М.Бахтина, Н.Бердяева, Э.Гуссерля, А.Камю, Г.Марселя, Э.Мунье,

Э.Фромма, М.Шелера, К.Ясперса и др. выдающихся мыслителей XX ст., автор пытается доказать, что каждый из затронутых существующими концепциями срезов бытия человека лишь дополняет друг друга, образуя “голографическую модель человеческой сущности” и демонстрируя по сути ситуацию существования “в философии столько антропологий, сколько существовало самих систем миропонимания” [с.10].

Подмеченная в книге парадоксальность философских открытий Шелера и Плеснера заключается в том, что разрабатываемый ими проект интегральной науки о человеке, выявил себя утопией, хотя и весьма привлекательной, а вот не инициированный сознательно этими мыслителями “антропологический поворот” в философии XX в. состоялся. И это дает возможность, по мысли авторов, на новом этапе продолжить инициацию “запрограммированного” в 20-30-е гг. “антропологического подхода” к решению основных проблем философии. Но связывающим звеном здесь может выступать продуктивный диалог философии и науки, связанный с рождением “проблемных полей исследования” человека.

В основе “интервального подхода” в целом, на наш взгляд, лежит желание авторов сохранить в современной культуре “метатеоретический уровень” понимания действительности, с одной стороны, а, с другой, - ценностный пласт общественного сознания. “Интервальный” взгляд помогает осознать внутренне-противоречивую природу человека, показать “связь между внутриинтервальными свойствами человека и его инвариантными характеристиками” [с.51]. Этот подход подчеркивает характерную для человеческого бытия возможность “обратной детерминации”, когда “не контекст определяет сознание, а сознание определяет конструируемое бытие” [с.51].

Части работы, написанные Ф.В.Лазаревым и Брюсом А.Литтлом, позволяют констатировать совпадение в оценках постмодернистской ситуации как “нового состояния” мира, которое мало смыкается с гуманистическими принципами, как отечественного, так и американского ученого.

Как замечает Брюс А.Литтл, “постмодернистский взгляд - это взгляд, ориентированный на фрагментацию. Он не предлагает никакого объединяющего принципа” [с.195]. Этим и объясняется отсутствие собственно постмодернистского мировоззрения. Американский философ связывает “постмодернистскую парадигму” с отказом “от любой философской попытки найти любое реальное решение, потому что подразумевается, что решений не существует. Философия в расчет не принимается, объективные религиозные убеждения не учитываются” [там же].

“Новый проект” “упорядочивания общества” в XXI ст. Брюс А.Литтл связывает с “принципами нравственного абсолюта”, исходящего из религиозного мировоззрения.

Таким образом, как показывает реализуемый в этой книге “украинско-американский” “антропологический проект”, сосуществование пластов “транскультурных” смыслов с ситуационно определяемыми - не только принцип объяснения человека в ситуации современной цивилизации, но и важнейший методологический подход, значимый для гуманитарных дисциплин в целом.

Поступило в редакцию 5.01.2004